
Марина КУЛЬГАВЧУК

ДЛЯ МАССОВОГО ЧИТАТЕЛЯ?

Наринэ Абгарян

Аннотация. В статье рассматривается творчество современного прозаика, лауреата премии «Ясная Поляна» — 2016 Н. Абгарян в свете вопроса о стирающейся грани между массовой и немассовой литературой. По мысли автора, массовая проза, на рубеже XX—XXI веков выступавшая эталоном откровенного дурновкусия, в 2010-е явно повышает свой качественный уровень, и романы Н. Абгарян — тому подтверждение.

Ключевые слова: Н. Абгарян, современная русская проза, национальная литература, местный колорит.

Визитной карточкой Наринэ Абгарян стала автобиографическая книга «Манюня» (2010). Веселые истории из жизни Нарки и ее закадычной подруги Манюни, монументальная и узнаваемая фигура бабушки Розы, ощущение света и та любовь к жизни, которой так не хватает многим воспоминаниям о советском прошлом, — вот что притягивает к этим ярким и, на первый взгляд, детским

Марина Викторовна КУЛЬГАВЧУК, кандидат филологических наук, доцент Института русского языка и культуры МГУ им. М. В. Ломоносова. Сфера научных интересов — современный литературный процесс, проблемы восприятия русской литературы в инокультурной среде. Автор литературоведческих и культурологических статей, соавтор ряда пособий для иностранцев, изучающих русский язык. Email: kulgavchukmv@mail.ru.

книгам. Книга со странным названием появилась в книжных магазинах лет семь назад и с тех пор не исчезает, став привычным явлением: «А где у вас “Манюня”? — Да в разных местах. Вам какую? Подороже? Подешевле?» О Манюне узнали, появились интервью с Н. Абгарян, о ней уважительно отзывался далеко не ко всем добрый Д. Быков...

С детской литературой у нас не очень удачно складывалось в последние годы: зачастую ее обзоры оказывались талантливее самих «обозреваемых» произведений. Впрочем, однозначно отнести к детским книгам многочисленных «Манюнь» все же затруднительно — доросли ли наши дети до просто хорошей прозы о девчонках конца 1970-х — начала 1980-х? Вот если бы они на метлах летали и умели произносить заклинания... Да и детали навсегда ушедшей в прошлое жизни зачастую требуют разъяснения, так что близкими и понятными героини скорее будут для тех, кто помнит себя в эти 1980-е, когда ничто еще не предвещало перемен. Впрочем, «Манюня» и ее продолжения: «Манюня пишет фантастический роман», «Манюня, юбилей Ба и прочие треволения» — активно издаются именно в формате детской литературы, значит, и читатели есть, а уж кто они: дети или взрослые, которым приятно вспомнить себя и свое детство, — не особенно важно.

С одной стороны, «Манюня» — литература массовая: издается в расчете на читателей самого разного уровня, неравнодушных к своему прошлому, и к предперестроечным годам, и к навсегда ушедшей советской действительности. С другой — ее художественный уровень претендует на более высокую оценку. Абгарян сумела показать характеры не просто детские — человеческие, достоинства и слабости которых обрисованы без «взрослого занудства», и проявила себя как настоящий мастер диалога (впрочем, диалоги — сильная сторона массовой литературы, за это читатели ее и любят). Вспомним, например, эпизод, в котором Ба (бабушка Роза) проявляет чудеса человековедения, покупая на рынке абрикосы:

- Роза, можно подумать, ты меня первый день знаешь!
- А с того дня, как ты мне кислую малину продал, я тебя и знать не знаю, — сердито отрезала Ба, — почему твоя курага?

— Зачем курага? — Мамед обиженно поджал губы. — Посмотри, какой отборный продукт!

— Ты мне зубы своим замшелым продуктом не заговаривай, — встопорчилась Ба, — я у тебя цену спросила!

— Тебе, Роза, за рубль восемьдесят отдам!

— Рубль, или мы с тобой расходимся как в море корабли, — Ба достала из сумки кошелек и потрясла им перед носом Мамеда.

— Роза, какой рубль, о чем ты говоришь, все по два продают! Рубль семьдесят, и считай, что я тебе сделал царский подарок!

Ба убрала кошелек в сумку.

— Рубль пятьдесят, — забеспокоился Мамед. — Роза, ты меня режешь без ножа!

— Пошли, девочки, — сказала Ба и величественно поплыла к выходу.

— Рубль сорок! — Мамед побежал за ними, крикнул кому-то на ходу: — Присмотри за прилавком!

Ба плыла сквозь толпу, как атомный ледокол «Ленин».

Из диалога вырастает живописное полотно: восточный многоголосый базар, атмосфера эпохи, характеры, — подсвеченное узнаваемым авторским юмором. Однако порой Абгарян уж слишком увлекается желанием рассмешить читателей, так что это становится едва ли не сверхзадачей, которую текст не выдерживает:

Когда грузовик, дребезжа всеми металлическими частями своей израненной души, въехал во двор Дома культуры, перед взором встречающих развернулась дивная картина — из кузова, как из рога изобилия, посыпалась кучка больных синдромом Паркинсона чумазых детей во главе с полубезумным мужчиной в кургузом пинжачке и заляпанном кружевном жабо. Из кабинки выпала женщина с застывшей гримасой бесконечного ужаса на лице. От нее исходил дивный аромат парфюмерной симфонии, включающей в себя бодрящие аккорды машинного масла, бензина, провонявших ботинок и папирос «Беломорканал».

Это — из описания поездки детской музыкальной школы в соседнее село с концертом. Автор как будто бы хочет

«раздвинуть» рамки детской литературы, чтобы и взрослым было занятно читать. А в итоге — ни взрослым, ни детям: для одних слишком заметно желание сыграть на любви читателя к собственному прошлому, для других же текст перенасыщен деталями и тяжеловат. Все это ощущается как изысканная еда, в которую положили слишком много соли. Или как красивое женское лицо, на котором оказалось так много косметики, что этого лица за ней «не увидеть».

Такой же эффект возникает и в «Понаехавшей» (2011) — истории наивной и не слишком приспособленной к суровой московской действительности 1990-х годов девушки из Армении. Выпускница филфака, отправленная родственниками «покорять» столицу, получает второе высшее образование, по благу устраивается в престижное место — интуристовский обменник — и на новом поприще открывает для себя жизнь. Жизнь эту автор представляет как серию анекдотов о России 1990-х, в которых фигурируют новые русские («братва в малиновых пиджаках»), проститутки, регулярно напивающаяся начальница О. Ф. (что не мешает ей менять деньги «на автопилоте»), коллеги «понаехавшей»... Чувство юмора и здесь не изменяет Абгарян, но иногда изменяют вкус и чувство меры: стремясь к правде характеров, автор перебарщивает с «суровой правдой жизни», используя довольно узкую клавиатуру эмоций — шок, сочувствие, ирония, снова шок. Не спасают ситуацию даже недоуменно-грустные письма на родину, задача которых — подчеркнуть, что понаехавшая — «другая». За этим противопоставлением нет ничего, что позволило бы говорить об авторском открытии: «Теперь я сижу за кассой и наблюдаю жизнь в обменниково окошко. Неужели это все, к чему я стремилась?» Матерящаяся начальница, порочные «жрицы любви», обшарпанность «Интуриста» и всей жизни вокруг — и девушка, которая всю эту грязь не то чтобы не впитывает — смиренно принимает такой, какова она есть. «Всюду жизнь» — так завершается одно из ее писем. Но стоило ли начинать книгу, чтобы в очередной раз прийти к этой истине? Контраст, на котором строит повествование писательница, все-таки не позволяют вывести «Понаехавшую» за пределы собственно развлекательной, массовой литературы и увидеть в этом романе явление.

Впрочем, так ли плохо для талантливой автора выступать под ярлыком «массового», то есть любимого массы? Ведь и современный кинематограф стремится приспособиться под «нового» зрителя с не слишком тонким вкусом и железными нервами — и «немассового» кино становится все меньше. Литература тоже подстраивается под новых читателей, поэтому и граница между массовой и немассовой литературой оказывается все более условной. Если раньше представитель «массового» направления вряд ли претендовал на то, чтобы его заметили ценители серьезной литературы, то сейчас подобное перерождение удивления не вызовет. Писатель, чьи книги читались «от нечего делать» в метро или в очередях в поликлиниках, вдруг выступает в новом качестве и претендует на несколько иной уровень читательского интереса. В появившемся в 2014 году романе Абгарян «Люди, которые всегда со мной» можно увидеть тому подтверждение.

Строго говоря, перед нами не совсем роман. Или даже совсем не роман. Отдельные главы кажутся слишком обособленными, иногда перед читателем предстают как будто бы разрозненные эпизоды из жизни разных героев, причем эпизоды эти разделены годами. Как и в «Манюне», основным местом действия становится Берд — город в Карабахе. Как и в «Манюне», автор в большинстве глав обращается к миру ребенка, глазами которого показана взрослая жизнь. Но на смену развлекающему тону рассказчика, очень довольного собственным чувством юмора, приходит иной голос, иная речь, вобравшая в себя разные голоса людей, которые всегда рядом с автором. Для Абгарян важно показать, что все они ей дороги. И не только те, о ком она пишет: в предисловии к роману писательница кратко и при этом поэтично рассказывает историю карабахских армян, их вынужденного бегства и возвращения в родные места. И слова о приходе русских, который «означивал конец многовекового унижительного рабства», выглядят отнюдь не как дежурный комплимент (книга-то издается в России), а как проявление здравого взгляда на историю, свойственного сегодня, увы, немногим.

Но предисловие — это своего рода увертюра к тому, что больше всего волнует писательницу: к истории людей, тех

самых, чьи предки когда-то заселяли Берд. Абгарян интересен отдельный человек, его жизненная история, прошлое и будущее. Изображение мира глазами ребенка — прием, который помогает писательнице «удовлетворить» этот интерес: Девочка Нина, ее друг Витька, родители Нины, бабушка и прабабушка — вот составляющие ее вселенной. Абгарян находит детали, которые ощущаются как знаковые и армянами, и теми, кто по понятным причинам далек от карабахской экзотики: утренний крик петухов, поход за молоком с греющим эмалированным бидоном, поездка на осле... Первая потеря — отъезд друга Витьки, которого увозит бросившая его когда-то мать-кукушка. И здесь же, параллельно, — история Веры, матери девочки, ее послевоенное кировобадское детство, в котором лучшим подарком подруге был кусок сахара, а сюрпризом для матери — до блеска натертые шестилетней девочкой земляные полы (вообще-то обрабатывавшиеся сложной смесью желтой глины и навоза). Из отдельных фрагментов, напоминающих мозаику, складывается картина человеческой жизни и жизни страны. Есть в этой мозаике и черные страницы — такие как описание геноцида начала XX века, — и даже еще более страшные: война в Нагорном Карабахе, погромы, в которых участвуют недавние соседи, составлявшие одну, как гласили учебники недавнего прошлого, общность — «советский народ»... Вера, осознав, что ее мать осталась одна в охваченном погромщиками Кировобаде, отправляется спасать родного человека, совсем как много лет назад, когда она маленькой девочкой, не растерявшись, сделала матери в момент сердечного приступа укол кордиамин и воскресила ее.

Читать страницы, описывающие происходящее в Кировобаде, страшно. Здесь слишком много правды, и страшно не только то, что несет с собой война: смерть и страдания, — страшна пробуждающаяся бесчеловечность. Заметим, что Абгарян отнюдь не пыталась написать анти-азербайджанскую книгу, подобного пафоса здесь нет. Не случайно в романе запоминается эпизод, в котором азербайджанец Джаббар, помогая Вере и ее матери, просит прощения за соплеменников. И хотя тут же приводится *эпизод отражения* — схватка с таксистом, который пы-

тался напасть на двух безоружных женщин только потому, что заподозрил в них «чужих», — у Веры есть иммунитет против всеобщего озверения: ни она, ни ее мать Марья не пытаются отомстить своему возможному убийце, сохраняя в своем сердце любовь и доверие к людям независимо от их убеждений и национальности. Роман и заканчивается словами о любви: «Любовь — это все. Это то, ради чего стоит жить».

И еще об одном несомненно хочет напомнить своим читателям Абгарян — об «утешительной и целительной силе традиций». Эти слова вкладывает она в уста Нининой бабушки: «Меняются времена, эпохи, люди, но традиции и нравы не меняются никогда. Даже советская власть ничего поделаться с этим не смогла. Вековой уклад стал для наших людей той непреложной истиной, которой нужно беспрекословно подчиняться. Я не знаю, правильно это или нет. Но я считаю, что раз так придумано, то так и должно быть».

Чувством тесной связи с национальной традицией и любви к людям проникнута еще одна из последних книг Абгарян — «С неба упали три яблока». Заметим, что именно эта книга заставила критику обратить внимание на Абгарян, о чем свидетельствует полученная ею в 2016 году премия «Ясная поляна». Прежде Абгарян бывала отмечена только как автор детских книг; однако упомянутый роман — книга отнюдь не детская, хотя тема детства, его очищающего воздействия на людей присутствует и здесь: ребенок, его чудесное появление на свет, становится наградой и высшим достижением человека.

Героиня романа, Анатолия Севоянц, которая недавно отметила пятидесятилетие, «легла помирать» — о чем сообщается уже в первом абзаце. А «Глава заключительная» повествует о том, как неожиданно для всех родившаяся у далеко не молодых уже «молодоженов» Анатолии и Василия дочь сделала счастливыми не только родителей, но и всех жителей села Маран, поверивших в то, что чудо может прийти к человеку, даже когда ему кажется, что все кончено.

Пока рождаются дети — будущее есть. Именно эта мысль звучит в последних строках романа: «Севоянц Анатолия легла помирать, не ведая того, как много пре-

красного у нее впереди. И вот оно пришло, это прекрасное, и дышит легким и ласковым, и пусть так будет долго, и пусть так будет всегда...»

Казалось бы — не самый благодарный материал поднят в «Яблоках...»: жизнь далекой национальной окраины, замкнутый на себе мир, мода на описание которого отошла за неактуальностью на второй план. Никто не умаляет достоинств тех романов, которыми зачитывались лет 40 назад, и книгам, например, А. Эбаноидзе и Н. Думбадзе отведено почетное место в истории литературы. Романы написаны, слово сказано. Стоит ли повторять тему? Так ли интересна жизнь Богом забытой армянской деревни?

Интересна, если на первом плане не *о чем*, а *во имя чего*. А может быть, ребенок, посланный Богом в мир, где все живут прошлым, и говорит о том, что Он нас не забыл?

Абгарян рисует простой быт простых людей, страдающих от недавней войны и природных катаклизмов, от отсутствия самых необходимых вещей, верящих в приметы, суеверия и свои старинные маранские предания. Для нее этот быт обладает несомненной ценностью, а раз так — нужно донести до читателя запах, вкус и цвет сельской жизни, показав ее общечеловеческую ценность. Важнее всего оказывается передать именно запах, который становится частью пейзажа или интерьера: «Просыпались дома дымом печных труб. Он тянулся вверх и, растворяясь в снежной круговерти, оставлял за собой теплый запах горящих поленьев и аромат поджаривающихся на печи ломтей ноздрястого домашнего хлеба».

Именно поэтому так важны для писательницы этнографические детали: названия традиционных блюд, трав, иногда рецепты приготовления, которыми герои делятся друг с другом. Люди в Маранском ущелье чтут обычаи, берегут свой дома, но охотно пускают к себе чужих, если те приходят с миром. Так жители села относятся к Настасье — русской жене приехавшего погостить правнука Валинки, одной из героинь. «Северная жена» Тиграна, художница, чувствует красоту и цельность новой для нее жизни, и появление этой героини помогает Абгарян приблизить изображаемый мир к читателю. Глубоким внутренним смыслом пронизан эпизод, в котором рассказывается, как Настасья, взявшись

почистить старинную картину, хранившуюся в доме, где вырос ее муж, открывает на ней портрет «молодого крестоносца», в ногах которого стоит, «вытянув вверх изящную голову в пышной короне <...> большой кипенно-белый царский павлин», который смотрит на нее «прозрачными, цвета гранатового зерна, прекрасными глазами» (с историей белого павлина связаны судьбы всех героев романа: птица обладала чудесной связью с людьми, жившими в этом доме, и была их хранительницей). Настасья — недолгий гость в Маране, чужой по своей городской, северной культуре человек, — открывает для себя новый мир, где даже покойников хоронят не так, как в ее родных местах, где существуют особые правила для развешивания выстиранного белья, известные всем женщинам, и где к самой Настасье вдруг удивительным образом возвращается пропавшее грудное молоко и она снова начинает кормить грудью своего сына.

Интерес к женской судьбе — естественная черта женской прозы, и Абгарян здесь не исключение. В центре ее внимания — Анатолия, неожиданно для себя испытывавшая настоящее человеческое счастье в весьма зрелом возрасте (при этом она самая молодая жительница деревни и самая образованная — бывший библиотекарь). Судьба ее семьи, как и судьбы других жителей Марана, дает Абгарян возможность нарисовать причудливую картину жизни народа на протяжении почти столетия. Иногда текст начинает напоминать лоскутное одеяло: каждый фрагмент-лоскут, может быть, и красив сам по себе, но смысл имеет лишь то цельное, что они образуют. Кстати, мысль о единении людей, о связи, существующей между ними, появляется и у героини — Анатолии: «Анатолия впервые ощутила жизнь не как данность, а как дар <...> и удивлялась тому, как она раньше не замечала этой безусловной связи между собой и всем, что ее окружает, — будь то люди, птицы или камни на старом кладбище». И еще: «И Бог наш везде и повсюду не только потому, что всемогущ, но еще и потому, что Он и есть те неведомые нити, что связывают нас друг с другом».

Если постараться связать роман Абгарян с существующими уже в литературе представлениями о методах и направлениях, то скорее всего эта книга окажется близка к направлению магического реализма. Особенно, разумеется, —

к роману «Сто лет одиночества» Маркеса. И дело не только в том, что так называемые магические элементы включены во вполне реалистическую картину мира: умершие родственники явно участвуют в реальной жизни своих близких, подталкивая их порой к совершению определенных поступков, павлин становится символом рождения человека и продолжения рода, видения юноши Акопа спасают людей от гибели. Важно, что герои романа обладают мышлением, принципами, жизненными правилами, которые были сформированы много веков назад, — и они, эти принципы, во многом определили законы их современного мира.

Впрочем, и слово «современный» здесь следует воспринимать как нечто условное: герои Абгарян (как и герои Маркеса) живут вне времени. Война здесь не названа. Война — это зло универсальное, любовь — это универсальное добро, наградой же за поздно пришедшую к главным героям любовь становится рождение дочери. Герои романа живут в этом мире, ощущают себя его частью и принимают его.

Именно в этом романе отчетливо проявилось умение Абгарян заставить читателя прислушаться к себе самому и совместить свой суетный, городской, подчиненный далекому от природной жизни ритм с тем, что можно назвать вечным течением жизни. И именно это чувство внутренней совместимости не покидает нас на протяжении всего романа, пока три яблока, обозначенных в названии книги, не достанутся — «одно тому, кто видел, другое тому, кто рассказал, а третье тому, кто слушал и верил в добро».

Эта же сказка о трех яблоках упоминается в самой пронзительной повести Абгарян «Зулали». Ее герои — члены одной семьи, история которой может быть рассказана в нескольких словах. Зулали — женщина с разумом маленькой девочки, потерявшая способность говорить после того, как на ее глазах в пожаре погибли мать и маленькие братья. Назарос — мальчик-подросток, которого она родила от насильника. Мамида — помощница по хозяйству, ставшая для семьи надеждой и опорой, а после самоубийства отца Зулали, деда Назароса, который так и не смог пережить гибели жены и детей, — и единственной поддержкой. Казалось бы, — нагромождение страшных эпизодов человеческой жизни, «чернуха», один из любимых изводов современной россий-

ской прозы... Но повесть Абгарян удивительным образом сочетает в себе трагическое и прекрасное: каждый из трех названных героев несет в себе заряд человечности и любви к людям.

Рассказ о событиях представлен сквозь призму восприятия двух рассказчиков: мальчика Назароса, который боится узнавать, сколько лет Мамиде («вдруг девяносто девять, и жить ей осталось всего год»), и самой Мамиды, точно знающей, что «языком трепать каждый горазд, а вот быть милосердным мало кому дано». Милосердие Мамиды, живущей ради двух дорогих ей и беспомощных людей, — это не красивое самопожертвование, а ежедневный осознанный труд, потому что «у жизни вообще сюжетов раз-два и обчелся, по большому счету каждому из нас выпадают одни и те же испытания, и истории у всех одинаковые. Истории одинаковые, а смысл у каждой свой». Именно в «Зулали» Абгарян заставляет нас задуматься о высшем смысле человеческой жизни — и не случайно Мамиде кажется, что лицо у Зулали «как у ангела, руки словно крылья, пальцы словно перья». В конце повести образ Зулали раскрывается по-иному: мы видим мир в ее восприятии, и это восприятие человека, который не помнит зла, читает мысли близких людей, но не может сказать о том, что творится в ее душе. Впрочем, может быть, это и не нужно:

— Любовь — самое беспомощное из всех чувств, потому что не умеет за себя постоять, — думает Мамида, перебирая фасоль, и я улыбаюсь, потому что согласна с ней, а она пугается моей улыбки и спрашивает: Зулали, у тебя ничего не болит? Не болит, Мамида, у меня давно уже ничего не болит.

Вера в добро, может быть, и есть то главное, что хочет сказать людям, видевшим и слушавшим, Наринэ Абгарян. Не случайно в ее книгах — будь то уже названные романы, повести или небольшие рассказы — есть надежда на то, что доброе начало победит. И уверенность в том, что связь между людьми, основанная на сохранении традиций, любви к ближнему, — и есть главное условие достижения счастья.